

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Юрия Владимировича Подковырина «Инкарнация смысла в практике художественного письма», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы

Диссертационное исследование Ю. В. Подковырина посвящено разработке теории художественного смысла. Для прояснения его природы диссертант вводит понятие «инкарнация смысла», которое становится методологическим фокусом исследования; рассматривая характер процесса воплощения смысла, условия этого воплощения, диссертант достигает цели своего исследования – «постижение специфики художественного смысла» (с. 13).

Изучение художественного смысла в представленной диссертации во многом предопределено герменевтическими исследованиями. Поскольку, как утверждает Е. А. Цурганова, на этих методологических принципах «базируется построение новейшей теории литературы» (Цурганова Е. А. Герменевтика // Западное литературоведение XX века. М., 2004. С. 100), следует считать, что исследования Ю. В. Подковырина вносят вклад в современную теорию литературы.

Диссертация Ю. В. Подковырина оставляет впечатление глубоко продуманного, актуального теоретического исследования, подготовленного на значительном аналитическом материале (в работе представлен как анализ художественных текстов, так и научных трудов). Сам текст работы структурирован, обладает внутренней связностью, пронизан отсылками к разным частям диссертации, переключками между этими частями, «собираем» результатов промежуточных исследований в виде четких выводов к главам и параграфам и таблиц. При таком изложении результатов работы довольно сложно формулировать вопросы, т. к. ход рассуждений практически не оставляет лакун.

В диссертации тонко и глубоко разбирается довольно большое количество самых разных литературных произведений – от «Прометея прикованного» Эсхила до новейшей драмы («Пластелин» В. Сигарева). Отметим также, что на тех страницах диссертации, где содержится разбор произведений, практически отсутствуют отсылки к научным исследованиям, предметом которых эти произведения уже становились. Как кажется, этот факт следует считать не недостатком, а, напротив, достоинством работы; отсутствие сносок указывает на новизну методологических подходов, которых придерживается соискатель.

Диссертационное исследование Ю. В. Подковырина состоит из четырех глав, разделенных на параграфы.

В первой главе «Категории смысла и инкарнации в гуманитарных науках» проводится критический обзор концепций художественного смысла «в герменевтике, эстетике, литературоведении» (с. 14). Рассмотрение не только собственно филологических, но и философских работ существенно повышает значимость исследования Ю. В. Подковырина. Диссертант не только справедливо отмечает, что интересующая его категория смысла не так часто становится предметом специального исследования, но и формулирует причины такого положения: это, во-первых, «широта и многоаспектность феномена смысла» (с. 14), выход этого понятия за границы литературоведения в области лингвистики, эстетики, семиотики, при том, что и в этих научных сферах смысл не является центральной проблемой (исключение – герменевтика); во-вторых, повсеместно наблюдаемая редукция понятия смысла до смежных категорий идеи и информации (значения). Структурализм, постструктурализм и «традиционное литературоведение», таким образом, по мнению диссертанта, можно рассматривать в русле «неопозитивистского подхода» к понятию смысла, в рамках которого «произведение в целом и все его аспекты (в том числе – смысл) объективируются и обезличиваются» (с. 27), а сам такой подход исследователь называет «субъект-объектным (монологическим)» (с. 27). Этот подход замечает Ю. В. Подковырин, «... остается ведущим в литературоведении» (27). Соискатель же обращается к противоположному подходу («диалогическому» направлению гуманитарной мысли» (с. 29)), учитывающему, во-первых, коммуникативную природу художественного произведения и, во-вторых, такую характеристику, которая в работах В. И. Тюпы названа «интерсубъективностью». В этом русле в диссертации критически анализируются работы М. М. Бахтина, М. Бубера, Г.-Г. Гадамера, Х.-Р. Яусса, а также В. И. Тюпы и Л. Ю. Фуксона. основополагающие идеи этих работ затем будут плодотворно использованы диссертантом в последующих главах при построении теории художественного смысла и его инкарнации.

Важным для исследования представляется второй параграф «Понятие инкарнации в богословии, философии и литературоведении», где обсуждается центральное понятие диссертации – инкарнация. Достоинство исследования также и в том, что Ю. В. Подковырин не отсекает «богословский шлейф» понятия, но, напротив, аккуратно и деликатно вычленяет в нем «основные, актуализируемые в Библии и в богословской традиции, аспекты данного явления» (с. 47), на которые потом будет опираться, исследуя инкарнацию смысла художественного произведения. В этом же параграфе представлен скрупулезный анализ работ М. Бахтина и Г. Марселя, которые использовали понятие инкарнации для изучения явлений культуры. Диссертант также объясняет, почему он предпочитает термин инкарнация термину воплощение.

Вторая глава диссертационного исследования «Инкарнация как специфический способ бытия художественного смысла: условия и характеристики» также содержит два параграфа, в которых речь идет, во-первых, об условиях инкарнации смысла, а во-вторых, о характеристиках инкарнированного смысла. Главный предмет главы – «смысловая многомерность литературного произведения» (с. 66). Ю. В. Подковырин различает и описывает по отдельности такие «смысловые континуумы», как 1) «внутренний жизненный смысл» (или «контекст жизненного общения, совершающегося в “мире персонажей” произведения» (с. 74)) и 2) «внежизненный смысловой континуум» ((или «контекст эстетического события, в котором принимают участие автор и читатели, но не персонажи» (с. 74)). Эти «коммуникативно-смысловые измерения» внеположны друг другу (с. 76), а «редукции смысловой и коммуникативной многомерности художественного произведения» (с. 80) приводят к искажению смысла.

В первом параграфе «Условия инкарнации смысла: к специфике художественной коммуникации» подробно описываются варианты «жизненного смысла» на примере различных в жанровом отношении произведений (это и «Приключения Робинзона Крузо», и стихотворение Тарковского «Вот и лето прошло...», и «Зависть» Ю. Олеси, и др.) Делается вывод о том, что «внутренний смысловой план произведения подобен тому жизненно-прозаическому коммуникативному контексту, которому причастны – как жизненные субъекты – и автор, и читатели», а герои способны осмыслить только часть своей жизни, при этом «смысл жизни как целого и каждого ее момента открывается героям как *возможный...*» (с. 103), деонтологизированный, актуализирующийся в форме мнения и не способный воплотиться в форме образа.

Но если различение таких «коммуникативно-смысловых континуумов», как «жизненный» и «эстетический», так или иначе уже утвердилось в теории литературы, то выделение диссертантом «внешне-жизненного смыслового измерения» кажется очень интересным. Ю. В. Подковырин на примере стихотворения А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...» отмечает, что в художественном тексте существует не только внутреннее, но и «внешне-жизненное измерение». Последнее – это коммуникация между реально-биографическими людьми, например, автором и адресатами.

Эстетический контекст не совпадает ни с внутренне-жизненным, ни с внешне-жизненным контекстами, он «внежизненный». В связи с этим диссертант формулирует очень точные и важные в аспекте художественной коммуникации вопросы: «В чем специфика именно эстетической коммуникации автора и героя, читателя и героя, автора и читателя?»; «Является ли вообще герой участником художественной коммуникации?»; «... о каком же общении, диалоге может идти речь, если один из его участников не имеет

понятия о существовании других, не знает, следовательно, о самом факте коммуникации?» (с. 121). Отвечая позже на эти вопросы, диссертант говорит о специфическом участии героя в коммуникации – «самим “внежизненным” измерением собственной личности» (с. 123).

Следует, как кажется, отметить еще один интересный момент диссертации. Ю. В. Подковырин делает «набросок» (этот герменевтический термин встречается в диссертации неоднократно; воспользуемся и мы им) «понимающей» работы с произведением. Диссертант пишет о «всматривании» и «вслушивании» как о характеристиках «герменевтической деятельности» (с. 297); «всматривание в инкарнированный смысл как аспект его понимания тесно связан с деятельностью воображения: зримость понятого может не иметь отчетливости реальных психических представлений» (с. 297). Приводится также замечательная формула – «напряжение “внутреннего ока”» (с. 296).

Вопросы, возникающие при чтении этой главы, связаны с «многомерностью смысла» и с разными «смысловыми измерениями».

- 1) *Можно ли считать «внешне-жизненным смысловым измерением» отсылки к реальной действительности в произведениях, в которых выявляется «живой контакт с неготовой, становящейся современностью» (М. Бахтин) (такие, например, как романы-антиутопии, альтернативные истории и др.)*
- 2) *Поддаются ли смысловые измерения (и вообще смысл художественного произведения), а также инкарнация типологизации? По мнению диссертанта, «инкарнация смысла представляет собой способ актуализации смысла в событии эстетической коммуникации» (с. 131), а способы возможно типологизировать.*
- 3) *Почему смыслу «присуща поляризация» (с. 220), т. е., почему именно «противопоставления фиксируют необходимые моменты инкарнированного, то есть актуализированного в форме бытия героев смысла»? (с. 129).*
- 4) *Как в этом случае соотносится (и соотносится ли) система оппозиций смысла с эпической ситуацией? (см. об этом в работе Тмарченко Н. Д. Этика // Теория литературы. Т. III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 233).*

Глава третья диссертационного исследования «Инкарнация смысла в структуре литературного произведения» рассматривает пространство, время, сюжет и словесную организацию произведения в герменевтической развертке, т. е., не в плане поэтики, что диссертант специально акцентирует. Ю. В. Подковырин рассматривает эти

понятия как в «жизненном смысловом контексте», так и в «эстетическом», формулируя различия.

Вопросы к этой главе такие.

- 1) *Можно ли утверждать, что большинство «нефилологических» подходов к тексту (в частности, психологический) останавливаются на понимании или анализе «жизненного» смыслового контекста произведения? («психологических» и «психоаналитических» разборов, например, «Мастера и Маргариты» существует огромное множество).*
- 2) *Частный вопрос: почему кошечка и голубка противопоставляются печной трубе (с. 205) в сказке «Гензель и Гретель»?*

Четвертая глава «Инкарнация смысла в контексте рецепции литературного произведения» посвящена обсуждению понятий «понимание» и «интерпретация» и характеристикам герменевтической деятельности реципиентов, соотносящейся, как утверждает соискатель, с характеристиками инкарнированного смысла. Один из главных вопросов главы, как кажется, – «Чем рецепция произведения, смысл которого инкарнирован, отличается от рецепции текстов, смысл которых не предполагает инкарнации?» (с. 265).

Ю. В. Подковырин проводит четкие границы между восприятием (психофизиологической деятельностью), анализом (интеллектуальной деятельностью) и деятельностью герменевтической. На фоне этих различий диссертант показывает специфику деятельности, направленной на понимание произведения.

Анализ процессов понимания и непонимания приводит к выделению и характеристике такого качества смысла, как непонятность, в свою очередь, связанного с «тайной бытия». Ее разгадывание требует истолкования, интерпретации. Так Ю. В. Подковырин создает базу для обоснованного разграничения понимания и интерпретации как неразделимых, но и не тождественных аспектов герменевтической деятельности реципиента. Далее на этой основе формулируются характеристики как понимания, так и толкования.

Этому посвящен второй параграф четвертой главы, где, кроме того, поднимается очень интересный вопрос о коммуникации биографического автора и читателя. Ю. В. Подковырин утверждает, что «...стремление читателя представить “вживую” автора произведения ...не является чем-то произвольным, а обусловлено самим характером художественного смысла» (с. 291); «понимание читателем инкарнированного смысла вызывает нужду в своеобразной инкарнации творца» (с. 292). «Бытийно-пластическими»

чертами автора может быть наделен и субъект речи. Этот фрагмент исследования убедительно объясняет множество случаев из педагогической практики филологов и в определенной степени реабилитирует наивных читателей и их способы чтения и понимания художественных произведений.

Сформулируем еще несколько вопросов, появившихся в результате знакомства с четвертой главой и со всей диссертацией в целом.

- 1) *Может ли быть «правильный» или «неправильный» смысл? Влияет ли на смысл «неправильно» прочитанное произведение (в качестве примера такого прочтения можно привести любопытный фрагмент из романа норвежского писателя Эрленда Лу «Во власти женщины» (Лу Э. Во власти женщины / пер. О. Вронской. СПб., 2004. Эпизод 6. С. 13).*
- 2) *Включает ли понимание элементы анализа? Так, например, осмысление романа «Золотой теленок» в диссертации заканчивается словами «Как показал проведенный анализ...» (с. 183). Также представляются аналитическими процедурами выявление в тексте разбираемых произведений отдельных мотивов и других элементов художественного языка: «дощатый мост» в есенинском тексте, обморок Надежды в «Происшествии» Гаршина (который прочитывается как временная смерть) и др.*
- 3) *Как связаны художественный смысл, его инкарнация и то, что М. Бахтин называл «факторами художественного впечатления»?*
- 4) *Можно ли проводить такую же герменевтическую деятельность, которую так блестяще продемонстрировал Ю. В. Подковырин, в отношении произведений массовой литературы, литературы «второго ряда»? Если можно, то будет ли специфика у такой деятельности?*

Перечисленные вопросы к диссертанту не только не снижают достоинства исследования, но наоборот – указывают на возможность интересной и плодотворной дискуссии, тем самым существенно повышая значимость работы. Как кажется, диссертация Ю. В. Подковырина должна быть рекомендована в качестве обязательного чтения не только теоретикам литературы, но в первую очередь – практикам, преподавателям. Равно как она может быть полезна переводчикам, цель которых – не буквальное перенесение произведения на другой язык, но передача его смысла.

Ю. В. Подковырин опубликовал ряд статей, в том числе 15 статей в журналах, относящихся к категориям К1 и К2 Перечня ВАК при Министерстве науки и высшего

образования РФ. Им опубликованы также главы в двух коллективных монографиях и одна монография по теме диссертационного исследования.

Диссертация Юрия Владимировича Подковырина «Инкарнация смысла в практике художественного письма» соответствует паспорту научной специальности и профилю диссертационного совета. Диссертация отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного правительством Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Юрий Владимирович Подковырин заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.3 – Теория литературы.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук

(специальность 10.01.08. – Теория литературы. Текстология),

доцент, профессор кафедры издательского дела

ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Козьмина Елена Юрьевна

Обработка персональных данных может осуществляться способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации.

Контактные данные:

Адрес организации: 620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Телефон: +7 (343) 375-44-44

e-mail: contact@urfu.ru

Электронный адрес оппонента: klen063@gmail.com

Телефон: +79126546035

18.06.2024

ПОДПИСЬ
ЗАВЕРЯЮ.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ УРФУ
МОРОЗОВА В.А.

Козьминой Е. Ю.

